

ском институте (то бишь в институте благородных девиц). «В глуши, в Саратове» протечет его жизнь. Он женится на моложе его восемнадцатью годами В.С. Копцевой, саратовской уроженке и своей бывшей ученице, которая служит в том же институте в должности классной дамы. Денег не хватает, и отец семейства, кавалер нескольких российских орденов, поддерживает существование домашними уроками за 1 рубль 85 копеек в час, а также собственной музыкальной торговлей – продажей скрипок, кларнетов, виолончелей. Страдающий болезнью сердца, он выйдет в отставку в 1904 г., за два года до смерти, в чине коллежского советника. Окажется, что на пенсию 750 рублей в год жить невозможно. «...Говорят, что за Царем служба не пропадет, а за Царицей?»¹⁴ – пишет он родным в Петербург, намекая на покровительство государыни-матери тому учреждению, где он служил, и прося их походатайствовать у великого князя Константина Константиновича об увеличении ему пенсии до 1200 рублей. При этом он не просит прямо прибавки «за Достоевского» (что станет нормой для некоторых родственников писателя в новейшие времена) и не спешит напомнить К.Р., что автор «Карамазовых» был любимым писателем и собеседником великого князя, в чьем доме встречался также с тогда будущей, а ныне вдовствующей императрицей Марией Федоровной.¹⁵ Возможно, Федор Михайлович-младший рассчитывает, что они сами помнят об этом.

В 1884 г. он известит «знаменитую вдову» Анну Григорьевну (на чьей свадьбе с его дядей был, кстати, шафером) о рождении у него сына со странным именем Милий: «в честь великого музыканта Балакирева». Священник отказывался крестить ребенка, пока не убедился, что имя значится в святцах. (Опасения были уместны: однажды Милий Федорович получил из Германии письмо, адресованное «фрейлейн Эмили Достоевской», после чего корреспонденцию, отправляемую за границу, предусмотрительно подписывал «Милиус».)

Археолог по образованию, востоковед (он жил и учился в Москве), владевший, кроме китайского и японского, еще дюжиной языков, автор интересных, но ныне забытых статей, Милий Федорович не оставит значительного следа в науке. Болезнь сокрушит его, когда ему не исполнится и тридцати: на нервной почве у него отнимутся ноги. Оставшуюся жизнь – а это более двадцати лет – он проведет в инвалидном кресле. Его главным нравственным капиталом будет родство с двоюродным дедом.

Он окажется первым из родственников Достоевского, на которого *выйдет* М.В. Волоцкой, начиная свои разыскания.

В.С. Нечаева, весной 1923 г. посетившая Милия Федоровича в больнице хронических болезней им. Короленко, увидит мужчину «с изможденным, но живым подвижным лицом и быстрой не лишенной остроумия речью». Страдавший еще и туберкулезом, он безотлучно пребывал в грязной, прокуренной палате «с идиотами и паралитиками вокруг». Его никто не навещал. Его попытки писать о китайском фарфоре не увенчались успехом, ибо ни бумаги, ни денег на нее (не говоря уже о самом фарфоре) у него не было.

На автомобиле наркомздрава Семашко, завернутый в шубу академика С.А. Котляревского, он был доставлен в Клинику нервных болезней МГУ, откуда его, сорокалетнего, переместили – уже до конца дней – в общежитие для престарелых ученых ЦЕКУБУ. Там, говорит Нечаева, он «оказался поселенным в отдельной комнате, окруженным вниманием, заботой и медицинской помощью». Анна Ахматова, нашедшая на время одной из сво-

14. Здесь и далее, где речь идет о потомках М.М. Достоевского, мы опираемся, в частности, на архивные документы, обнаруженные и подготовленные для «Хроники рода Достоевских» Н.Н. Богдановым.

15. Подробнее см.: Волгин И. Колеблясь над бездной. Достоевский и императорский дом. М., 1998.